

11.09.93

130

Правда - 1993 - 18 сент. - с. 4

Зачем раздувать остывшие угли?

О сенсациях вокруг «Тихого Дона»

Парадоксально, но факт: сенсации этой столько же лет, сколько роману Михаила Шолохова «Тихий Дон». Когда в 1929 году появились в печати первые две части произведения, тут же было оспорено их авторство. С тех пор кто только не ломал вокруг этого копыя, не грел свое тщеславие: от неизвестного в то время, а ныне широко известного академика Д. Лихачева до всемирно знаменитого писателя А. Солженицына. Пытались доказать, что перед нами не гениальное творение великого писателя Михаила Шолохова, а уникальный в истории мировой литературы плагиат. Молодость автора, что ли, смутила поначалу кое-кого? И кого только не предлагали в качестве будто бы истинного автора «Тихого Дона»: безвестного казачьего офицера, погибшего в гражданскую войну, казачьего бытописателя Ф. Крюкова, некоего, публично не проявленного, еще одного донского литературного гения (версия А. Солженицына) и даже тестя Шолохова — Громыславского.

Опровержений, причем весьма доказательных, этой действительно уникальнейшей в истории мировой литературы клеветнической кампании было

предостаточно. Но список желающих вписать свое имя в историю литературы хотя бы таким путем (авось, будущие шолоховеды их упомянут!) продолжается. В 1993 году он пополнился Г. Стукаловой и супругами А. и С. Макаровыми, соответственно в «Огоньке» (№ 17) и «Новом мире» (№№ 5 и 6).

Новые поползновения опорочить выдающегося писателя XX века аргументированно осудил в «Российской газете» (№ 14, 31 июля) доктор филологических наук Вадим Баранов, известный вдумчивыми статьями о советской литературе, в том числе о творчестве М. Шолохова и его романе «Тихий Дон». Но вот какая странность. Вадим Баранов, безусловно, прав, утверждая, что внимательное, беспристрастное рассмотрение «внутренних вертикальных» взаимосвязей... «между изучаемым произведением и предшествующим творчеством писателя», «горизонтальных» связей между произведениями и его «спутниками» «позволяет говорить о творчестве художника как целостной системе, нерасторжимом эстетическом единстве». Но, противореча

самому себе, доктор филологических наук в заключение статьи заявляет: дескать, нельзя сказать, «что проблему авторства «Тихого Дона» надо считать решенной раз и навсегда».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! На протяжении всей статьи речь шла во здравие Шолохова, а в конце зазвучал зауспокойный мотивчик. Вадиму Баранову кажутся уже недостаточными «взаимосвязи творческих слагаемых», необходимы «сличение всех элементов текста», «совпадающие величины в эпопее и в произведениях претендентов на авторство».

Но это уже было! Было! Один из самых непримиримых ненавистников Шолохова доцент Ростовского-на-Дону (!) университета М. Мезенцев «наслычась» до того, что даже повесть «Судьба человека» счел не оригинальным произведением, а лишь виртуозно приспособленным к новому времени очерком Ф. Крюкова «Итальянец Замчалов», опубликованным в «Русских ведомостях» в 1916 году. И вообще, делает вывод доцент, Шолохов вовсе не писатель, а

изобретательный плагиатор («Вопросы литературы», № 2, 1992 г.).

К счастью, литературоведение (к сожалению, не отечественное) на этой абсурдной точке зрения не остановилось. Норвежские и шведские ученые Г. Хьетсо, С. Густавссон, Б. Бекман, С. Гил в своей книге «Кто написал «Тихий Дон» (Проблема авторства «Тихого Дона», М. 1989 г.) именно методом сличения при помощи новейших технических средств блестяще доказали, что автором «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Поднятой целины» является Михаил Шолохов во всем своем неповторимом художественном, мировоззренческом, человеческом своеобразии. И ведь ведомо это Вадиму Баранову! На Г. Хьетсо он ссылается в своей статье. И о «поразительной способности» Пушкина «оплодотворять свое творчество опытом и находками других авторов» вспомнил. Жаль, не припомнил, что было бы кстати, «дискуссию» вокруг «Евгения Онегина» Пушкина и «Чайльд Гарольда» Байрона, раздутую в свое время литературоведами, которым

очень хотелось принизить величие русского гения.

Не надо быть особенно проницательным, чтобы понять: на протяжении всей истории бесprecedентной клеветы на М. Шолохова отчетливо прочитывается ее политическая основа. В двадцатые годы «неистовым ревнителям» из Пролеткульта не по нраву приписали человечность, доброта в изображении казачества, им не хватало крови, обильно пролитой Львом Троцким при «рассказывании» в гражданскую войну на Дону. В семидесятые и особенно восьмидесятые годы для радикальных демократов Михаил Шолохов — что кость в горле: это что еще за великий советский писатель, нет такого писателя, как нет и советской литературы вообще! Есть М. Зощенко, Б. Пастернак, М. Цветаева, О. Мандельштам, М. Булгаков, А. Платонов, А. Солженицын, но они, дескать, к советской литературе не имеют никакого отношения. А Михаил Шолохов к тому же коммунист. Лауреат Нобелевской премии? Ну и что? И на старуху, мол, бывает проруха, не исключены и происки КГБ...

Как-то не верится, чтобы Вадим Баранов не видел истинной сути всей этой нечистоплотной возни. Не случайно же он вспомнил свою статью 1975 года «От истоков «Тихого Дона»! А если видел, знал, понимал, то, спрашивается, зачем же ему потребовалось подбрасывать в угли прежних и нынешних дискуссий и свою мысль о незавершенности решения проблемы? Чтoб так и теплились, розовели они, эти угли, распространяя ядовитый дымок ненависти к прошлому? Не может серьезный ученый (а таким, по-моему, является Вадим Баранов), потратив немало лет и энергии на исследование творчества великого советского писателя, не быть убежденным, что нет проблемы авторства, что есть роман-эпопея «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова, масштабность, художественную глубину и мощь которого в изображении глобальных для XX века событий не заслонить, как это пытаются некоторые специалисты от литературной науки, ни «Доктором Живаго» Б. Пастернака, ни «Красным колесом» А. Солженицына, при всей их самостоятельной значимости. «Тихий Дон», как было отмечено английской критикой еще в 1940 году, сравним лишь с тем, как воплотил в величественные образы глобальные события XIX века Лев Толстой в романе «Война и мир».

Георгий ПЕЛИСОВ.
Профессор.

Шолохов Михаил